

Сергей Васильевич Самаров

Псы над пропастью

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658365
Сергей Самаров. Псы над пропастью: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70351-7

Аннотация

Банда эмира Харунова захватила турбазу, расположенную в горах Кавказа, и взяла в заложники всех туристов. Главарю позарез нужна ученый-генетик Людмила Николаевна, бандит знает, что она где-то рядом. Эта женщина, а точнее, ее знания – бесценны, так как Людмила занимается сверхсекретными военными разработками в области генной инженерии. За такую персону за границей заплатят безумные деньги! Эмир уже в шаге от того, чтобы найти Людмилу и повернуть свою бесчеловечную сделку. Но на захваченную турбазу направляется взвод спецназа ГРУ под командованием старшего лейтенанта Виктора Осябя...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	11
Глава вторая	17
Глава третья	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Самаров

Псы над пропастью

Пролог

Настоящие туристы обычно умеют разводить костры с помощью одной спички. И уже по тому, что костер разгорелся с первой спички, можно было предположить, что в группу вошли настоящие туристы. И даже цивилизованные, потому что, распаковав пакеты с едой, рассеявшиеся вокруг костра туристы не отбрасывали в сторону мусор. Все, что нужно было выбросить, собиралось в один большой пакет, чтобы потом этот пакет закопать в землю.

Чайник кипятили не на костре, а на небольшом туристическом примусе, который поставили неподалеку. Долго греться у костра возможности не было – не хватало дров. Туристы уже поднялись на такую высоту, что миновали полосу леса, а костер разводили дровами, которые принесли с собой. Дров они, конечно, принесли больше. На костер ушла только половина. Вторую половину уложили шалашиком неподалеку, чтобы на обратном пути выйти сюда же и сразу разжечь костер, поскольку в ближайшие два дня погреть руки у костра у них возможность вряд ли найдется.

Туристов было девять человек – шестеро мужчин разного возраста и три молодые женщины. Однако туристические рюкзаки не делились на мужские и женские, и все несли одинаковое количество груза. Место, где туристы остановились, называлось «Базовый лагерь» и было под этим именем отмечено на карте. К базовому лагерю шли четыре дня в сложных условиях горного леса. Но поскольку до базового лагеря дошли, уже считалось, что самое трудное позади, и туристы расслабились. Правда, спиртного никто себе не позволял, пили только чай и любовались небом на западе. Солнце уже зашло, и небо было яркого малинового цвета. В равнинных местностях это обещало бы ветер на следующий день. В горах же эти приметы не работали. Здесь ветер гулял сам по себе. Но туристы, до мозга костей горожане, среди своих улиц даже неба такого цвета не видели и радовались горному пейзажу, пальцем показывая друг другу детали рисунка в полоске подкрашенных зашедшим солнцем облаков.

Внизу, в долинах и в ущельях, уже стемнело. Но на Сарматском плато, куда поднялись туристы, было еще относительно светло, хотя смеркалось стремительно. Но небо над головой было чистым. Звезды в горах всегда кажутся близкими и яркими, и потому никто не стремился расстелить спальные мешки, чтобы устроиться на ночь. Это можно было сделать и в относительной темноте. Хотелось сначала дать отдых уставшим за день ходьбы ногам.

Один из мужчин вытащил из чехла гитару. Настоящих туристов не бывает без гитары. Мужчина начал настраивать струны, печально звенящие в разреженном воздухе. Помешал ему свисток на чайнике. Не выпуская гитару из руки, мужчина встал, хотел было шагнуть к примусу, но чайник вдруг, как всем показалось, взорвался – в боку, обращенном к костру, появилась дыра, и из нее струей побежала вода. Никто ничего понять не успел, когда точно так же будто взорвалась гитара и ее корпус зазвенел. И только после этого туристы осознали, что это были выстрелы. Стреляли в них, теперь уже прицельно. Кто-то успел вскочить, кто-то свалился сразу, даже не встав. Автоматные очереди буквально рвали людей на части. На ногах осталась только одна молодая женщина. Она взвизгнула и побежала. В нее не стреляли, а больше стрелять было уже не в кого. Вокруг костра лежали восемь трупов. Из сумрака, из-за камней в самом начале плато поднялись в полный рост шестеро мужчин в масках «ночь», какие носят спецназовцы, и двинулись к месту побоища решительным шагом. Пятеро остановились у костра, шестой пошел за бегущей женщиной. От костра стрелков отделяло двадцать метров. От женщины уже тридцать. Она даже не бежала, с тру-

дом двигалась по неровным камням. Но женщина не знала, куда бежать, и уже через двадцать секунд резко остановилась, покачнувшись на краю пропасти, и отшатнулась, чтобы не упасть. Потом посмотрела на приближающегося молодого красивого мужчину, который снял маску. Он злобно улыбался, чувствуя себя хозяином положения. Застонав, женщина присела и закрыла глаза. Мужчина подошел, держа в одной руке автомат, второй взял женщину за волосы и хотел поставить ее на ноги.

– Я же обещал, что приду за тобой. Ты меня ждала?

Но женщина, не ответив, вдруг обхватила мужчину за бедра, приподняла, показав несвойственную женской натуре силу и знание приемов вольной борьбы, и, произведя классический бросок через грудь, вместе с ним рывком полетела в пропасть. При падении закричала женщина, но не испуганно, а яростно. Мужчина же не издал ни звука. А звук от падения тел с большой высоты до верха даже не донесся. Пропасть была глубокой.

– Ногай! – крикнул один из мужчин у костра и, сорвав с себя маску, побежал к обрыву.

Через пару секунд еще трое с автоматами быстро подскочили к краю пропасти. Маски сняли все, потому что скрывать свои лица уже было не от кого.

– Вот стерва... – сказал один из них, тот, что кричал, запоздало предупреждая. – Еще мама говорила Ногаю, что женщины его сгубят. Мама была права, ах как мама была права... Прощай, брат... Что я скажу маме?

– Стерва... Точно... – сказал Солтанмурад, самый старший из бандитов и на вид самый интеллигентный, и качнул седой, аккуратной стриженной головой. – Надо было сразу в нее стрелять. Ногаю, видишь, фигура понравилась. Спортивная...

– Он любил спортивных женщин... – словно бы оправдывая брата, заметил первый, когда-то похожий на красавца брата, но сейчас у него было разорвано веко, а на левом глазу расплылось бельмо, из-за чего сходство заметить было трудно.

– Да... Просил ее не задеть... – продолжил Солтанмурад. – Эй... Все «визитки» же были у Ногай. Есть у кого-то еще «визитки»? Сарыбаш, у тебя должны быть...

Сарыбаш, старший брат упавшего в пропасть вместе с женщиной Ногай, полез в карман и, глядя по сторонам совершенно отстраненно, вытащил пачку из двух десятков визитных карточек. Молча протянул спрашивающему. Солтанмурад взял всю пачку и снова пошел к костру, словно желал отдалиться от чужого горя. Еще трое бандитов сразу же двинулись за ним, оставив Сарыбаша, потерявшего брата, попрощаться с погибшим хотя бы издали, сверху, хотя позже можно было бы и спуститься в пропасть, чтобы найти и похоронить тело.

Сарыбаш стоял у пропасти недолго – здесь брата уже не было. Он со злостью мотнул головой, почесал свой поврежденный глаз и решительным шагом направился к товарищам. Сразу посмотрел, что они сделали. На теле каждого убитого лежала визитка. Эти визитки – шутка, придуманная Ногаем. Он же сам и рисунок в Интернете нашел, и сами визитки распечатывал на принтере. Там была изображена голова оскаленной собаки, и по-русски для ясности было написано «Познакомься с Бешеными псами». Одна визитка, сброшенная ветром, упала с груди гитариста, так и не расставшегося со своей пробитой пулей гитарой. Сарыбаш вытащил из кармана картонный пакетик с острыми портновскими булавками и приколот все визитки прямо к телам сквозь одежду. Мертвые боли от укола не почувствовали. Сарыбаш выпрямился и посмотрел в сторону обрыва. Ему очень захотелось приколоть «визитку» прямо к груди женщине, разбившейся в пропасти вместе с его младшим братом...

* * *

Чтобы спуститься в пропасть, следовало сделать большой переход по окружности. Причем предстояло пройти два участка, где и днем-то ходить следует с осторожностью, потому что легко съехать со склона вместе с камнями. А ведь приходилось тащить туго наби-

тые рюкзаки. Многие вещи туристов оказались в рюкзаках этих людей. Ночью с тяжелыми рюкзаками ходить вдвойне сложнее, нежели днем. Солтанмурад и Биймурза уговаривали Сарыбаша пойти в ущелье утром, после рассвета. Но Мараучу, ровесник и даже бывший одноклассник Ногай, поддержал старшего брата погибшего товарища, желающего отправиться к телу немедленно. Зная, что Сарыбаш, если его не поддержат, может и в одиночестве пойти или хотя бы вместе с Мараучу, Солтанмурад и Биймурза согласились. Бросать товарищей в беде они не привыкли. Горы, в которых они выросли, приучили их поддерживать друг друга, потому что в горах без поддержки всегда трудно выжить.

Хорошо еще, что ночь была светлая, какой всегда бывает в горах при чистом небе. Шли молча. Первым, естественно, пошел Сарыбаш, который торопился и тем самым задавал темп. Конечно, он знал высоту обрыва и понимал, что Ногай не мог остаться в живых после такого падения. Но, кажется, надежда, что брат сильно покалечился, но все же еще жив, в нем теплилась – чудеса в горах порой еще встречаются, и он все еще надеялся приколоть к груди женщины фирменную «визитку» от «Бешеных псов». Сарыбаш даже с наслаждением представлял, как проткнет булавкой ее грудь. И пусть ей, мертвой, будет не больно, но он-то может представить, как ей было бы больно живой.

Прохождение ночью по этому сложному маршруту было действительно сопряжено с опасностью. И даже торопящийся Сарыбаш понимал это, потому при подходе к первому из двух опасных участков он остановился и протянул руку за спину.

– Страховку.

Ему подали конец прочной, хотя и не толстой веревки с карабином на конце. Сарыбаш прицепил его к карабину на своем широком поясе. Другие карабины тоже были моментально пристегнуты, образовав связку. Так, в связке, прошли первый опасный участок. Осторожничили, но не чрезмерно. Знали, чем грозит секундное расслабление. Но страховку снимать не стали – до следующего опасного участка было недалеко. А вот на следующем участке под ногой Мараучу, идущего вторым в цепочке, поехал камень, и он сам поехал бы вслед за ним, если бы не связка. В веревку вцепилось сразу три пары рук, и Мараучу через несколько секунд снова оказался на тропе, твердо упираясь в нее ногами. А камень из-под ноги человека, получив ускорение, сдвинул с места другие камни, и началась цепная реакция. Сначала камни просто шелестели со все возрастающей силой. Потом уже начали грохотать. Как оказалось, жутко не только попадать под камнепад, а жутко даже над ним стоять. Во-первых, поднимается большое облако пыли, во-вторых, шелест и грохот сильно бьют по нервам, в-третьих, почва под ногами начинает дрожать, и не понимаешь толком, стоит идти вперед, или следует бежать назад, или вообще лучше не двигаться с места и только пытаться устоять на ногах. Сарыбаш первым сообразил, что следует делать, и двинулся вперед, и другие пошли за ним. Они хорошо знали эти места и знали, что прошли уже две трети опасного участка. До его окончания оставалось меньше, чем до начала, и потому возвращаться было опаснее. И они прошли. И только дальше, когда под ногами оказалась простая рыжая земля с такой же рыжей осенней травой, обесцвеченной звездным светом, остановились, чтобы перевести дыхание.

Дальнейший путь мог только утомить, но был уже не так опасен, как короткий пройденный, и потому страховку свернули. Место ей нашлось в рюкзаке Солтанмурада.

– Может, зайдём в пещеру? – предложил Биймурза. – Оружие хотя бы оставим. А то таскать с собой лишнюю тяжесть...

Пещера, где они обычно хранили оружие, вернее, даже не пещера, а большой грот, располагалась неподалеку. Туристов этот грот не интересовал, да и не полезли бы туристы на невидимые простому глазу верхние этажи.

– Думаешь, оружие нам не пригодится? – мрачно спросил Сарыбаш, глядя на Биймурзу своим единственным здоровым глазом.

– Думаю, уже не пригодится, – за него ответил Солтанмурад. – С телом Ногая сюда не пойдешь... Где еще оружие оставить? И рюкзаки нужно опорожнить. С таким грузом долго не находишься. А идти надо быстро...

Этот алгоритм действий был принят даже Сарыбашем, который сам взял только одно одеяло. Но он видел, как его товарищи переключивали много вещей из рюкзаков туристов в свои рюкзаки. И про его рюкзак тоже не забыли, сильно утяжелив ношу. Плечи от тяжести налились свинцом. Торопились закончить дело, пока хорошо горел костер. Потом костер разбросали и затоптали.

– Идем, только побыстрее.

Он опять пошел первым. И свернул в нужном месте. Дальше уже путь был простым. Единственную сложность представлял спуск по склону, но звезды были яркими, да и выкашившаяся луна светила ярко, и потому споткнуться было сложно.

Фонариками бандиты воспользовались только перед входом в большой грот, где чувствовали себя как дома. Там у них и дрова были припасены для костра, который они обычно здесь зажигали, если случалось проводить в гроте ночь. Впрочем, сейчас никто не предложил развести костер, потому что понимали состояние Сарыбаша. Его брат лежал там, в ущелье, и Сарыбаш торопился туда, понимая, конечно, в глубине души, что надеяться не на что, тем не менее надежды не теряя...

* * *

В ущелье они вошли только через три часа, уставшие и взмокшие, хотя ночь была прохладной. Однако вспотеть нетрудно и в крепкий мороз, если затрачиваешь много энергии во время работы или даже при быстрой ходьбе. Там, в ущелье, уже необходимо было идти с фонариками, чтобы не переломать себе ноги на камнях. Первым, как и раньше, шел Сарыбаш, за ним, чуть-чуть отстав, двигался Мараучу. Слегка отстали Солтанмурад с Биймурзой. Разговаривали между собой тихо, чтобы не услышал их брат погибшего Ногая.

– Чего доброго, Сарыбаш надумает тело домой тащить, – проворчал Биймурза. – Я уже и без того еле ноги переставляю.

– А ты думал... Он для этого одеяло с собой и прихватил.

– У меня лопатка с собой. Может, выкопаем могилу и похороним?

– Не знаю. Как Сарыбаш решит. Думаю, он не согласится. С него старая Разият спросит.

– Сарыбаш свою мать боится больше, чем окулиста, – согласился Биймурза.

Оба они знали, что Сарыбаш, будучи еще мальчишкой, напоролся на ветку и порвал себе веко. Привели его в больницу, хирург зашил веко, отправил к окулисту. Окулист назначил операцию, хотя никакая операция мальчишке, как потом оказалось, была не нужна. В результате после операции на глазу появилось бельмо. Сначала небольшое, потом и весь глаз закрыло. И все окулисты стали для уже взрослого Сарыбаша чудовищами.

У Сарыбаша стал садиться фонарик. Пришлось остановиться, чтобы сменить аккумулятор.

– Скоро уже. Смотри внимательнее, – сказал ведущему Мараучу. – Где-то здесь должно быть. Как бы мимо не пройти. Ближе к стене держись.

Правая сторона ущелья представляла собой действительно стену, а не склон хребта. И стена эта, начиная с нижней части, была даже с легким обратным уклоном. Биймурза посветил фонариком вверх. С места, где они шли, верхний край видно не было. Его можно было рассмотреть, наверное, только днем от противоположного склона, тоже крутого, но не обрывистого. Да и луч фонарика был не в состоянии достать до верхнего края. Для этого требовались фонарики посильнее или же вообще армейские тактические фонари, которые посылают луч порой на три сотни метров. Стена же была высотой около шестидесяти метров.

Но человек, если будет падать сверху, сначала обязательно должен удариться о слегка наклонную среднюю часть и отлететь от прямой линии падения. И потому Сарыбаш, уже давно все мысленно рассчитавший, не послушался совета и не стал прижиматься к стене. Мараучу, наверное, хуже всех знал здешние места. Все остальные знали их прекрасно. И конфигурацию обрыва тоже помнили и потому продолжали движение так же, как начали.

– Туда посвети... – сказал Мараучу, показывая направление лучом своего фонаря. Но у его фонаря тоже подвели аккумуляторы, а запасных Мараучу с собой не взял. И его луч недалеко бил в темноте ущелья, хотя его вполне хватало для того, чтобы осветить себе путь под ногами и не оступиться.

В этот раз Сарыбаш послушался. Он вообще умел прислушиваться к чужим советам, хотя выполнял только то, что ему самому казалось правильным. Он направил луч фонаря вперед, и сам рывком бросился в том направлении. Мараучу каким-то образом увидел в темноте лежащее среди острых камней человеческое тело.

Все подошли. Сарыбаш стоял перед телом брата на коленях. Его надежды на чудо так и остались только надеждами. Тело лежало на острых камнях, и даже при падении с намного меньшей высоты любой человек разбился бы насмерть. Все пространство между камнями было залито кровью. Крови вытекло очень много.

– Неужели в человеке столько крови... – сказал Биймурза, – никогда бы не поверил, если бы сам не увидел.

– У него тело во многих местах пробито, – объяснил Солтанмурад. – Сразу из всех ран вытекало. И даже из головы...

Ногай лежал на спине, откинув в сторону левую руку, а правая – каким-то неестественным образом изогнувшись, была придавлена спиной.

– Помогите вытащить руку, – попросил Сарыбаш. – Приподнимите его.

Мараучу с Биймурзой наклонились над телом, приподняли, и он вытащил из-под спины сломанную и согнутую руку брата. Уложил ее вдоль тела. Точно так же положил вторую руку. И после этого посмотрел на небо.

– Он лежит подошвами в сторону Мекки... – понимая, что высматривает Сарыбаш, подсказал Солтанмурад. – Положи ему на живот камень¹.

Сарыбаш торопливо выполнил сказанное. Глаза Ногая были закрыты, а подбородок не отвисал, и завязывать его необходимости не было. Сарыбаш сам повернулся туда, куда смотрели подошвы брата, двумя руками совершил омовение лица и стал читать «Калимат-шахадат»:

– Ла илаха илла-ллаху, Мухаммадун-Расулу-ллахи².

– Вообще-то это читается перед смертью³, – сказал Солтанмурад. – Чтобы умирающий слышал и повторял хотя бы мысленно.

Сарыбаш не растерялся, хотя плохо знал каноны ислама.

– Душа моего брата еще здесь, она слышит меня, видит мою скорбь и повторяет за мной слова молитвы. Еще нужно читать суру «Ясин», но я ее не знаю. Знает кто-нибудь?

Все отрицательно качали головами.

Сарыбаш встал и достал из рюкзака одеяло, расстелил его прямо на камнях.

¹ Согласно мусульманским обычаям, умершего кладут подошвами в сторону Мекки. Если нет такой возможности, кладут на правый или левый бок лицом в сторону Мекки. На живот умершему, во избежание вздутия, кладут камень. Подвязывают подбородок и закрывают глаза.

² Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад – Посланник Аллаха (*араб.*).

³ Один из сподвижников пророка Мухаммада Муаз ибн Джабаль приводит такой хадис: «Сказал пророк, что тот, у кого последними словами будут слова «Калимат-шахадат», обязательно попадет сразу в рай».

– Помогите переложить. Понесем на одеяле, ко мне домой. Я позвоню маме, чтобы она приехала. Утром она будет у меня. Привезет кафан⁴.

– А откуда это одеяло? – спросил Биймурза. У нас такого не было.

Одеяло было легкое, яркое, плюшевое.

– Оно из чьего-то рюкзака там, наверху... – объяснил Мараучу. – Я на всякий случай прихватил. Не думал, для чего сгодится.

– Кстати, – хватился вдруг Солтанмурад и беспокойно тряхнул красивыми седыми волосами. – А девка где? Которая Ногая сбросила...

Все растерянно осмотрелись. Лучи фонариков обшарили все камни вокруг тела Ногая. Женщины рядом не было. И даже не видно было следов крови рядом, если бы она, что вообще-то было невозможно, осталась жива и отползла в сторону.

– Какой черт ее унес? – непонятно кого спросил Сарыбаш.

Он посветил фонариком выше стены, туда, где нависал над пропастью выступ склона. Но увидеть ничего не сумел. Слишком слаб был фонарик, слишком обширен и высок склон.

– Старая Разият спросит, отомстил ли ты за брата, – сказал Биймурза Сарыбашу.

Тот, испытывая злобу, еще раз осмотрелся вокруг.

– Кто-то унес ее... Кто ее унес?

– Унести могли только дэвы⁵, – сказал Мараучу и тоже посмотрел по сторонам. Но уже испуганно, словно ожидая нападения.

– Говорил я, не надо оставлять оружие, – сердито сказал Сарыбаш.

– Разве ты говорил такое? – удивился Солтанмурад. – Я не слышал. Ты, кажется, только сомнение выказал, не больше.

– Значит, я подумал, что надо так сказать...

– Скорее всего. А мы, бестолковые, не научились читать чужие мысли.

– Что можно сделать оружием против дэвов... – прошептал Мараучу.

– Не боюсь я никаких дэвов! – заявил Сарыбаш. – Дэвы, приходите сюда, покажитесь...

Последнюю фразу он прокричал в ночную черноту, и она тотчас отозвалась автоматной очередью. Очередь была неприцельная. Скорее явилась простым отзывом на призыв Сарыбаша, тем не менее одна из пуль попала Сарыбашу в голову и почти оторвала ему ухо, разрубив его пополам.

– Позвал. Они пришли... – испуганно констатировал факт Мараучу.

– Где ты видел дэвов с автоматами? – зло спросил Биймурза. – Мы в какую-то историю влипли. Знать бы только в какую. В случае чего, если это федералы или менты, – мы здесь работаем... Получили сообщение, не знаем от кого, о расстреле группы на плато и вышли. Ногай сорвался и упал сам. И мы вынуждены были спуститься...

– Федералы не будут стрелять на призыв. И менты не будут. Они знают, в кого стреляют, – подсказал Солтанмурад, присевший за камень в надежде спрятаться от пуль.

– перевяжите меня кто-нибудь, – попросил Сарыбаш. – Я ранен.

– Ползи сюда, – предложил Солтанмурад, снимая с плеч рюкзак, в котором у него хранилась походная аптечка. – Не трогай рану грязной рукой.

– Дэвы... – не видя вытаращенными глазами ничего и ничего не слыша, повторил испуганный Мараучу. – Они пришли...

И опять, подтверждая сказанное, из темноты раздались новые автоматные очереди. Теперь из было уже много. Не умея на слух определять количество стреляющих автоматов, Биймурза зло, с каким-то даже дерзким вызовом и отчаянием сказал:

⁴ Кафан – саван, в котором мусульмане хоронят умерших. Для мужчин из трех частей, для женщин из пяти. Личная одежда покойного кладется на крышу тобута (погребальных носилок), чтобы люди знали, кого хоронят, мужчину или женщину.

⁵ Дэв – в восточной мифологии, в частности у мусульман Кавказа, бес, черт, недобрая, нечистая сила.

– Целая толпа дэвов...

Но между автоматными очередями до слуха доносились и крики. Обыкновенные человеческие крики. И звучали они, несмотря на разность голосов, одинаково:

– Желтый дракон!

– Желтый дракон!

– Желтый дракон!

И эхо повторяло эти слова, как повторяло звуки выстрелов, отчего казалось, что стреляют не только из автоматов, но и из пушек и про «желтого дракона» кричит целая толпа людей. А автоматные очереди долго не стихали. Только пули на сей раз пролетели над головами, никого не задев. Но огненные мазки автоматных стволов в темноте были хорошо видны. Потом, когда автоматы замолчали, раздалась длинная очередь, стреляли из пулемета трассирующими пулями, перечеркнувшими черноту над головами.

– Уходим, – приказным тоном сказал Солтанмурад, завершив перевязку раненого Сарыбаша. – Быстро уходим, пока они не подошли близко. Успеем в темноте уйти. Фонари не включать. Нас не увидят. Уходим...

Он развернулся и на четвереньках, ощупывая камни руками, попытался отдалиться.

– Ногай! – напомнил Сарыбаш. – Ногая забираем.

– Жить надоело? – спросил Биймурза. – Самим бы уйти...

Он попытался потянуть Сарыбаша за локоть, но тот выдернул локоть.

– Я не пойду. Пусть убивают... – сказал Сарыбаш, двумя руками подправляя только что наложенную на голову повязку. – Кто хочет, уходите. Я с братом буду...

Но его никто, кажется, не слышал. Даже Мараучу, во всем до этого готовый поддерживать Сарыбаша, и тот пополз на четвереньках в обратную сторону, мало что соображая в происходящем и продолжая шептать под нос:

– Дэвы, дэвы пришли. Позвали, они пришли...

Рука Мараучу вдруг на что-то натолкнулась, ощупала и подняла тяжелый предмет.

– Автомат... – сказал он. – Автомат Ногая...

Но отстреливаться от дэвов Мараучу не собирался. И потому отбросил автомат в сторону.

– Что там? – спросил Сарыбаш.

Мараучу не ответил, только быстрее зашевелил руками и ногами. И Сарыбаш вынужден был сам подняться, потому что стрельба прекратилась, подойти и поднять автомат покойного брата.

– Идите ко мне, дэвы... – Сарыбаш погрозил в темноту поднятым автоматом.

Новая автоматная очередь заставила его пригнуться и присесть рядом с Ногаем. Потом тело Ногая вздрогнуло – автоматный ствол в темноте, видимо, опустился ниже, и несколько пуль попали в покойного. Сарыбаш даже с места не сдвинулся, только положил руку на еще теплую грудь брата. А стрельба снова прекратилась...

Глава первая

Солтанмурад, Биймурза и Мараучу знали троих из собравшихся в тесном кабинете дежурного пункта полиции на туристической базе. Вообще-то, говоря по правде, они хорошо знали только одного, начальника этого самого пункта, долговязого и всегда злого старшего прапорщика полиции Шахмырзу Чолахова, хвастливого и бестолкового человека, но ловко умеющего вовремя поддакнуть начальству и потому находящегося у начальства на хорошем счету. А в лицо знали и даже при встрече здоровались с двумя другими – с капитаном районного отдела полиции Чаммой Пашаевичем Тотуркуловым и куратором туристической базы майором ФСБ Гилястаном Гирокаевичем Хаджимырзаевым из Нальчика. Четвертый из собравшихся в кабинете представителей власти, армейский старший лейтенант Виктор Юрьевич Ослябя, как он сам представился, был им совершенно не знаком. И вообще появление в деле армии было для них непонятным явлением. Тем более такого представителя армии. Нарукавная эмблема старшего лейтенанта была им знакома только по слухам – летучая мышь над земным шаром, но о военнослужащих, прозванных на Северном Кавказе «летучими мышами», говорили много. Откуда и для чего появился на туристической базе старший лейтенант спецназа ГРУ – было неясно. И вообще странно, что все эти люди уже оказались здесь в такой ранний час, перед наступлением рассвета, словно специально дожидались возвращения группы горных спасателей. Ведь здесь никто еще не должен был знать о случившемся в горах. При входе на туристическую базу их на мониторе системы видеонаблюдения за территорией заметил, видимо, Чолахов и вышел навстречу. Выслушал короткое сообщение и сразу повел к себе на пункт, велел подождать у входа, говорил внутри помещения несколько минут, потом позвал всех троих.

Наверное, точно их дожидались. Так казалось. Но тогда это – провал. И с ними вели бы себя иначе, и наручники нацепили бы обязательно, и обыскали бы на предмет наличия оружия. Однако пока ничего подобного не было.

– Докладывайте, докладывайте, – прикрикнул на спасателей старший прапорщик и посмотрел на капитана полиции Тотуркулова, ожидая одобрения. – Солтанмурад, ты старший, ты и докладывай...

Слова старшего прапорщика уже звучали как обвинение. Так вообще-то разговаривают следователи с арестованными. А пришедших, кажется, никто арестовывать пока не намеревался. И они не знали, что стоит рассказывать. Впрочем, этот вопрос осложнений и вопросов не вызывал. Солтанмурад, Биймурза и Мараучу еще до возвращения на базу обговорили подробно, как они будут объяснять случившееся, когда им начнут задавать вопросы. А вопросы им должны задавать обязательно. Плохо, что Сарыбаш не присутствовал при этом договоре. И, если ему случится выбраться, неизвестно еще, что он скажет. Хотя надежды на то, что Сарыбаш выберется, было мало. Просто так, пугая темноту, никто стрелять не станет. Пули обычно находят цель. Там, в ущелье, стреляли всерьез. Неизвестно кто и по какой причине, но кто-то пытался убить спасателей. В этом сомнений не было. Трое ушли, а Сарыбаша, скорее всего, убили. Кроме того, втроем они договорились, что будут ссылаться на помешательство Сарыбаша. «Крыша поехала» после смерти брата. Вначале очень сильно переживал и странно вел себя рядом с телом. А потом решил остаться там, несмотря на то что в них стреляли, – просто сел и отказался идти. Не тащить же его под обстрелом на руках. А если Сарыбаш все-таки умудрится выйти из положения и прибедет на базу, к его рассказам будут относиться как к рассказам сумасшедшего, у которого все в голове основательно перепуталось. Ведь известно, что человека воспринимают так, как преподносят его другие, что другие о нем говорят. Говорят плохо – плохо и воспринимают. Говорят хорошо – готовы объятия раскрыть. Эта истина уже давно и в разных вариантах используется людьми. И,

независимо от названия – слухи это, или пиар, или даже «черный пиар», результат обычно бывает предсказуем. Такой вариант многое покрывал и прикрывал. А о привязанности старшего брата к младшему было всем известно. Значит, помешательство может выглядеть правдоподобным. И потому, когда прозвучало грубоватое даже внешне требование старшего прапорщика Чолахова, Солтанмурад смело шагнул вперед, довольный, что допрашивают их не поодиночке, что могло бы привести к разнобою в показаниях, а сразу всех вместе. Так легче все объяснить, да и Биймурза с Мараучу услышат его слова и потом в своих показаниях ничего не напутают. Впрочем, если немного и напутают, тоже не страшно, учитывая стрессовое состояние, разное восприятие людьми одного и того же события. Тем более они все трое не солдаты и вообще необстрелянные люди, которые не могут не испытывать тяжелого стресса после пережитого. Им бы сейчас валерьяновых капель выпить и только после этого разговаривать...

– Так, значит, дело было, – на хорошем русском языке начал объяснять Солтанмурад. Если здесь присутствует русский офицер, можно говорить и на русском, как уже говорит Чолахов. А на русском из троих совершенно свободно общался только один Солтанмурад, который когда-то учился в Москве.

– Говори, говори, как обстояло дело, – поторопил старший прапорщик начальника смены горных спасателей туристической базы.

Солтанмурад в знак согласия кивнул, не вступая со старшим прапорщиком в словесную перепалку, хотя и хотелось ответить тому резко. Уж очень неприятен был тон Чолахова и его желание показать свою власть перед посторонними, власть, которую ни сам Солтанмурад, ни его друзья признавать не желали и никогда бы не признали.

– Сегодня в ночь согласно графику дежурил Ногай Чотаев. Он мне позвонил, когда еще светло было. Домой позвонил, потому что после рабочего дня мы обычно дома находимся. Если есть вызов, тогда бежим. Бежать недалеко – сто метров. Ногай получил сообщение от туристов, терпящих бедствие на Сарматском плато. Ему именно так и сказали, почти по-морскому, что терпят бедствие. Что с ними случилось, Ногай не знал, связь прервалась во время разговора. Номер звонившей женщины записан в журнале регистрации. Если нужно, я могу принести...

– Принесите, – сказал майор ФСБ Хаджимырзаев. – Только позже, после того как обо всем расскажете. Мы проверим номер...

Солтанмурад кивнул и продолжил рассказ:

– Я тоже пытался проверить. Звонил. Там говорят: «Вне зоны досягаемости связи» или «Выключен». Не дозвонился, короче. Да... Еще Ногай говорил, где-то в отдалении кто-то кричал: «Желтый дракон... Желтый дракон...»

– Что это за херня такая? – спросил капитан полиции Тотуркулов.

– Что-то я про «желтого дракона» слышал, – почесал затылок майор Хаджимырзаев.

– Что такое «желтый дракон», мы не знаем, – продолжил Солтанмурад. – До сих пор не знаем... У нас такие не водятся. Я вообще сначала отмахнулся от этого факта. У нас здесь связь так работает, что часто слышатся чужие разговоры. А вообще-то Сарматское плато – место довольно безопасное. Туда идти, да, соглашусь, трудно, дорога сложная. Особенно тяжело идти через Хазарский перевал. Я бы понял, если бы у них кто-то по дороге на перевал или с перевала сорвался. Такие случаи раньше бывали. Но они звонили уже с плато, когда перевал давно миновали. Там, на Сарматском плато, вообще ни одного экстраординарного случая не было. Я, по крайней мере, не помню. Поэтому все мы были в недоумении. Что там, на плато? Там только одна красота на всех, и вид во все стороны – простор такой, что летать хочется. Но, если был звонок, мы обязаны отреагировать. Я обзвонил своих. Группа быстро собралась, и мы сразу выступили. Поскольку всю смену собрать не удалось, у нас два человека в отпуске, взяли с собой даже дежурного. Это допустимо, поскольку в горах

находилась только одна туристическая группа, от которой сообщение и получено. Значит, других сообщений ждать не приходилось, и дежурному на месте делать было нечего. И мы пошли...

– Пошли, понимаешь... А мне что ж не позвонили? – спросил старший прапорщик полиции, в очередной раз желая подчеркнуть свою, на его взгляд, значимость. – Я бы с вами пошел. Глядишь, сгодился бы...

– Ты бы сгодился. Чтобы с перевала сорваться, – ехидно сказал из-за спины Солтанмурада до этого молчащий Биймурза. – Нам туристов спасать нужно было, а не тебя на себе тащить. Да и шли мы быстро, ты бы на половине пути сломался. Пришлось бы тебя бросить...

Биймурза вообще полицию недолюбливал, а старшего прапорщика Чолахова особенно. Впрочем, старшего прапорщика все недолюбливали, и едва ли нашелся бы среди постоянно работающих на базе людей такой, кто отозвался бы о Чолахове с симпатией. Ну, может быть, его жена. Но этот вопрос тоже открытый, потому что в этой семье, как говорили, тоже не все гладко.

Однако приехавшие на базу представители силовых ведомств не стали вникать в суть отношений между спасателем и начальником пункта полиции. Это в их планы не входило, и интересовали их совсем другие дела.

– Выход группы в журнале регистрации отмечен? – спросил капитан полиции.

– Обязательно. В качестве тревожного вызова. Это обязательно документируется. Я сам запись сделал, как старший группы. Мы пошли. Для туристов маршрут до Сарматского плато рассчитан на двое суток. Там и остановки, и отклонения от основного направления, чтобы посетить красивые места, у водопада, скажем, сфотографироваться или еще где-то, на орлиные гнезда в бинокль посмотреть... Это обычно наш проводник показывает. Но эти шли без нашего проводника, потому что руководитель группы уже дважды ходил на Сарматское плато, дорогу, как уверял, помнит, карты при себе, сказал, имеет. Отказ от проводника-инструктора официально заверен подписью руководителя туристической группы. Как по инструкции положено, руководитель группы на маршруте такой категории сложности должен иметь как минимум звание кандидата в мастера спорта по туризму. Этот руководитель был матером спорта. Документы мастера мы отсканировали и приложили к записям в журнале. С этим делом у нас строго. Я порядок уважаю. Но мы сами туристическим маршрутом не ходим. У нас есть более близкие, хотя и более сложные пути. Местами даже очень опасные. Сегодня, например, один из нас чуть на осыпи не съехал. Страховка спасла. А всего нам, чтобы до Сарматского плато добраться, нужно пять с половиной часов вместо двух суток. Мы когда-то замеряли расстояние и время. У нас график специально для спасательной службы сделан – за какое время можно дойти к какому-то определенному участку заповедника.

– Да не тяни ты резину, рассказывай быстрее, не уводи в сторону, – сурово потребовал Шахмырза Чолахов.

– Пусть рассказывает, как ему удобно, – жестко перебил старшего прапорщика майор ФСБ. – Может, ему так легче с мыслями собраться. Не обращайтесь внимания, говорите.

Произнесено это было настолько категорично, что Чолахов, готовый уже еще что-то сказать в полном соответствии со своим интеллектом, язык прикусил и даже, кажется, слегка обиделся. Но он свои обиды людям, имеющим бóльшую власть, нежели он, никогда вслух не высказывал. Проявлял, как сам считал, «адекватную мудрость». Где старший прапорщик выудил это слово, Солтанмурад не знал, но слово старшему прапорщику настолько понравилось, что он вставлял его везде, где было можно, и часто не к месту.

Солтанмурад продолжил:

– Короче говоря, мы двинулись прямым путем. Там есть определенные трудности – и даже несколько сложных участков, но мы их хорошо знаем. Тропы там такие узкие и крутые, что можно ходить по ним только в связке. Даже мы в связке ходим, а туристам без связки вообще там ходить запрещается. А большинство туда и не допускаются. Слишком опасные места. Ситуация нам, честно говоря, была непонятна, поскольку мы знали, что Сарматское плато безопасно, и, наверное, как-то подспудно мы не слишком торопились. В итоге получилось, что в пути мы были шесть часов двадцать пять минут. Я сам, как старший группы, время засекал. В итоге добрались до места уже в темноте. Вы бывали на Сарматском плато?

– Нет, – за всех ответил майор Хаджимырзаев. – Не бывали.

– Столбов и электрических фонарей там, понятно, нет. Это не дорожки турбазы. В начале ночи светят звезды. Потом, конечно, и луна выходит. Однако это не то освещение, при котором можно отправляться в поиск. Но вообще-то следует иметь в виду, что все, кто на плато идет, на нижних участках тропы набирают дрова для костра. Рабочие туристической базы специально их заготавливают и выкладывают рядом с тропой. Обычно туристы берут дров на два костра, чтобы разжечь вечером и утром. Там, на плато, дров не найти. И мы, поднявшись на плато, рассчитывали увидеть костер, который разожгли туристы. Но костра не было. Пришлось начинать поиск в темноте. А темнота и поиск в горах – это вещи не всегда совместимые. Большею частью – несовместимые. Кроме, естественно, экстраординарных ситуаций. Опасное это дело. А тут еще с Ногаем... что-то произошло... Честно говоря, я не знаю, что с ним случилось. Он у нас считался очень опытным спасателем. Хорошо подготовлен физически. Сам он, кстати, и предложил начать осмотр плато с края, от пропасти. Это единственное опасное место. С противоположной стороны обрыва нет, там плато плавно в хребет переходит. Мы все понимали, что такое упасть с обрыва, но возможности упасть нескольких человек, тем более целой группы, даже предположить не могли. Но там, у обрыва, случилось что-то странное. Я все видел прекрасно, несмотря на темное время суток. Звезды хорошо светили. Ногай подошел к краю, оглянулся на нас, и так вот, на нас глядя, вдруг заулыбался, крикнул: «Я – желтый дракон», и не глядя шагнул дальше. Я уверен, что он знал, куда шагает, хотя мне показалось, что он в каком-то ненормальном состоянии находится.

– В каком состоянии? – переспросил майор Хаджимырзаев.

– Может быть, излишне возбужден, но не постоянно, а временами. А потом будто бы в депрессию впадает. Только под ноги смотрит. Потом новый цикл. Непонятное состояние...

– Наркотики, – уверенно сказал первую свою фразу старший лейтенант спецназа ГРУ.

– Да, мне говорили, что Ногай «травку» покуривает, – согласился Солтанмурад. – Но разве с «травки» бывает такое? Это похоже на действие какого-то сильного наркотика.

– Значит, не только «травку»... С «травки» все начинают, потом «травки» становится уже мало, и им что-то другое требуется, – определил капитан Тотуркулов со знанием дела. – А поведение вы описываете типичное для наркомана. Только наркомана в таком состоянии обычно еще и походка выдает. У него ноги не сгибаются. Ходит, словно на ходулях.

– Да, походка у него в последнее время какая-то странноватая была, – словно вспоминая, подтвердил Солтанмурад. – Короче говоря, шагнул он в пропасть. Его старший брат Сарыбаш Чотаев, он тоже с нами был, чуть за ним не бросился. Закричал, к краю подскочил. Мы уже втроем ухватили его, удержали. Нам только такой двойной беды не хватало.

– А туристы? – напомнил старший прапорщик Чолахов.

– Шахмырза, – грубо сказал Биймурза. – Нам уже не до туристов было. Если бы ты свалился, никто бы не поспешил вниз. Лежал бы ты там и лежал себе до сих пор. А за Ногаем мы все поспешили. Он из нашей команды. Конечно, не его путем, но поспешили...

Старший прапорщик промолчал, проглотив откровенно неприязненное высказывание в свой адрес.

– Продолжайте, – предложил майор Солтанмураду.

Но Солтанмурада всего как-то передернуло, и по телу мелкая дрожь пробежала. Однако он быстро взял себя в руки и пригладил ладонью седые волосы.

– Извините, вспомнилось все... Нервы... Итак, мы пытались Сарыбаша Чотаева успокоить. Он очень это нервно воспринял. И, чтобы с ним тоже ничего подобного не случилось, стали уговаривать его пойти вниз, в ущелье. Конечно, мы не надеялись, что после падения Ногай может остаться в живых, но убеждали в этом Сарыбаша, чтобы он думал не о том, что скажет старой Разият, а о том, как помочь брату. Чтобы надежда держала его на ногах...

– Разият? – переспросил старший лейтенант спецназа. – Это кто?

– Это мать братьев, – объяснил старший прапорщик. – Сарыбаш давно уже здесь работал. И мать прислала к нему младшего брата, чтобы старший за ним присматривал. Еще три года назад. Что-то дома у него стали возникать конфликты с полицией. Мне тогда прислали приказ за Ногаем присматривать. А Разият Чотаева просто хотела Ногаю от его дружеской компании подальше спрятать. И сама часто приезжала.

– А сама она где живет?

– В каком-то поселке под Нальчиком. До нас доехать недолго, – старший прапорщик полиции желал показать свое знание всех мелочей местной жизни.

– И что дальше? – снова спросил майор Хаджимырзаев Солтанмурада.

– Уговорив Сарыбаша, что было само по себе трудно, потому что он не слышал наших доводов, мы двинулись в ущелье, чтобы хотя бы забрать тело и принести сюда. Не оставлять же его там, на съедение волкам. Только в ущелье легче отсюда добраться, чем с Сарматского плато. Там дорога почти прямая, по долинам идет. А оттуда пришлось сделать большой круг, идти по сложным профилям, да еще ночью. Там и днем-то пройти трудно, а ночью вообще... Но Аллах нас берег за благость намерений. – Солтанмурад при последних словах посмотрел на всех, мысленно регистрируя реакцию на упоминание имени Всевышнего, но присутствующие никак на это не отреагировали. – И мы все-таки добрались до ущелья. Там и днем ходить сложно. Все дно усыпано камнями. Ноги переломать легко. А ночью можно было пройти только с фонариками. Мы свои фонарики полностью посадили. Уже ни один не светит. Запасной аккумулятор только у Сарыбаша был. Он первым шел. Он брата и обнаружил. Ногай, конечно, был мертв. Там возможности спастись не было – высота большая...

– Сколько? – спросил старший лейтенант Ослябя.

– Там никто не измерял. Может быть, шестьдесят, может быть, семьдесят метров.

– Хорошая высота, – согласился старший лейтенант.

– Если не падать, – в свою очередь согласился Солтанмурад. – А если просто смотреть, то я бы предпочел смотреть снизу вверх, чем сверху вниз. Сверху не слишком приятно. Я-то еще ничего, я человек, выросший в горах и к высоте привыкший. А вот у некоторых туристов голова сильно кружится. Жаловались. У вас как, голова от высоты не кружится? – вопрос прозвучал с каким-то вызовом.

– Нет, у меня не кружится, – сказал старший лейтенант. – У меня больше тысячи прыжков с парашютом. Продолжайте, пожалуйста, рассказ.

Солтанмурад кашлянул в кулак и продолжил:

– Все пространство между камнями, на которые Ногай упал, было заполнено кровью. Кто-то из нас даже удивился – откуда в человеке столько крови...

– Я удивился, – подтвердил Биймурза. – Никогда не видел, чтобы столько крови из человека вытекло.

Солтанмурад продолжил:

– Просто море. Там земля под камнями плотная, кровь не впитывается. А ран от камней множество по всему телу, и из каждой раны кровь вытекала. Мы одеяло приготовили, чтобы Ногаю на нем унести, поскольку носилок у нас с собой не было, но тут что-то странное

с Сарыбашем началось. Сильно на него смерть брата подействовала. Сначала он спросил про «желтого дракона». Никто не знал, что это такое. А Сарыбаш в небо посмотрел и спрашивает: «А зачем тогда он над нами летает?» Я тоже в небо посмотрел. Небо было чистое. Никто над нами не летал. Потом Сарыбаш слегка успокоился, повернул брата так, чтобы он лежал подошвами в сторону Мекки, сломанную руку из-под спины вытащил и ровно положил, камень, как требуется, на живот пристроил и стал читать «Калимат-шахадат». Мы фонариками светили, аккумуляторы не жалели. Это и привлекло чье-то внимание. Сначала раздалась только одна автоматная очередь. И Сарыбашу пулей ухо оторвало. Я его перевязывал. А потом автоматчиков прибавилось, и стрелять стали из многих стволов. Мы, воспользовавшись темнотой, стали отходить. А автоматчики тоже кричали про «желтого дракона». Сарыбаш, как услышал, остановился и назад подался. Мы звали его, звали, он не послушал и навстречу стрельбе пошел. Тоже все твердил про этого «дракона»...

– А сам Сарыбаш «травкой» не баловался? – спросил капитан полиции Тотуркулов.

– Не замечал, – категорично ответил Солтанмурад.

– А вы сами?

– Исключено.

– Я рад за вас, – сказал майор Хаджимырзаев. – Протокол мы, как вы заметили, не вели, но записали ваши показания на диктофон. Ваши товарищи показания подтверждают?

Биймурза и Мараучу в знак согласия кивнули.

– Значит, когда распечатаем запись, все подпишете?

– Да, – ответили все трое.

– Мараучу, – вспомнил вдруг старший прапорщик Чолахов, – тебя же Ногай сюда позвал. Что там у него дома за неприятности были? Почему старая Разият его сюда отправила?

Мараучу слегка испуганно посмотрел по сторонам, словно ожидая подсказки от других спасателей. Но подсказки не последовало, и пришлось самому ответить, причем зная, что его слова возможно проверить, Мараучу вынужденно сказал правду:

– Там вокруг него какие-то парни из «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами»⁶ вертелись. В друзья набивались. Тетушка Разият и решила от беды подальше отправить Ногай сюда.

– Вы тоже с ними знали? – спросил майор ФСБ. – И вас по той же причине сюда отправили? Ваша родная мать или тетушка Разият...

– Нет, меня Ногай позвал, потому что дома работы не было, – Мараучу говорил так просто и незастенчиво, что ему легко верилось.

– Хорошо, – сказал капитан. – Солтанмурад, вы обещали нам принести журнал учета и номер телефона женщины, которая вызвала вас на Сарматское плато.

– Полторы минуты... – сказал Солтанмурад и вышел за дверь. Его товарищи двинулись следом.

Старший лейтенант спецназа ГРУ посмотрел на часы, словно желал проверить пунктуальность бригадира группы спасателей.

– Биллинг? – спросил старший лейтенант майора Хаджимырзаева.

– Это не совсем биллинг, но что-то типа того. Биллинг – это когда все звонки из района преступления анализируются. А мы проверим звонки только одного абонента...

⁶ «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» – полунформальная, полутеррористическая организация, созданная в Иерусалиме в 1953 г. На территории бывшего СССР наибольшее распространение получила в Узбекистане. Действует также почти во всех республиках бывшего СССР, в России работает в Татарстане, в Башкирии, в северных республиках России и в других областях, занимается вербовкой в светских и интеллектуальных кругах, в основном среди сочувствующих студентов в университетах и в мечетях. Цель – исламская революция по всему миру и восстановление исламского халифата. Если какой-либо мусульманский пропагандист заговорит с вами о «халифате», то очень вероятно, что вы разговариваете с членом «Хизб ут-Тахрир».

Глава вторая

Солтанмурад вернулся даже раньше, чем обещал. Наверное, бегом бежал в соседний корпус, где располагается спасательная служба. Принес заложенную пальцем на нужной странице общую тетрадь большого формата, разлинованную под журнал учета. Положил раскрытой на стол, за которым сидели капитан полиции и майор ФСБ. Старший лейтенант спецназа ГРУ сидел сбоку от стола, а старший прапорщик полиции вообще на подоконнике, откуда ему хорошо были видны три монитора наблюдения за территорией, подвешенные на стене. Даже в такой ситуации Чолахов желал показать, что он работает и не отрывает от мониторов взгляда.

– Вот телефон, – Солтанмурад ткнул пальцем в строку.

– Кто записывал? – спросил майор.

– Погибший. Ногай. Он дежурил, когда позвонили.

– Звонили ему на мобильный? Или сообщили номер, с которого звонили?

– Звонили на стационарный телефон. У нас аппарат с определителем номера.

– Назовите номер телефона службы.

Солтанмурад назвал.

– Понятно. Вы свободны.

Но Солтанмурад еще чего-то ждал, может быть, хотел узнать мнение силовиков о случившемся и их действия относительно телефонного номера. Однако в его присутствии здесь не нуждались.

– Ты свободен. Иди, тебя твои парни ждут... – повторил старший прапорщик полиции, выпроваживая бригадира спасателей.

Солтанмурад растерянно кивнул и вышел.

– Не верю я ему, – сказал Чолахов. – Что-то темнит. Может, ссора какая-то была, и братьев в этой ссоре убили. А теперь нас путают.

– Разве сложно проверить? – спросил старший лейтенант. – Нужно только сходить в ущелье. Если там человек разбился, следы все равно останутся. И следы от пуль, если там стреляли, должны присутствовать.

– Легко сказать – сходить... – усмехнулся капитан Тотуркулов. – Этот вопрос займет не десять минут, а по крайней мере половину дня. Так, Гилястан Гирокаевич?

Майор Хаджимырзаев, вытащивший уже свой сотовый телефон, растерянно кивнул, хотя, занятый своими мыслями, вопроса, кажется, и не слышал. Позвонив, он продиктовал номер и попросил проверить, когда с этого мобильного звонили на стационарный телефон спасательной службы турбазы. И вообще нужен был анализ звонков за последние сутки и нынешнее местонахождение трубки. Отключившись от разговора, сообщил:

– В течение получаса дадут ответ. Да, еще...

Он набрал уже другой номер, представился и сделал запрос на все случаи употребления фразы «желтый дракон». Видимо, эта странная фраза не выходила у майора из головы.

После этого возникла небольшая пауза. Капитан полиции Тотуркулов листал журнал регистрации, хотя ничего интересного там найти было, конечно, невозможно. Стандартные, похожие одна на другую записи. Подписи старших групп и инструкторов в получении инструктажа, отметки о контрольных звонках. Когда группа проходила какой-то участок, старший звонил в спасательную службу и предупреждал. Таким образом, никто не мог потеряться на относительно большом участке, и, в случае чего, поиск сужался до известных параметров. Полезные отметки. Старший прапорщик полиции по-прежнему любовался темными неподвижными аллеями туристической базы на мониторах. А старший лейтенант спецназа ГРУ вытащил свой мобильник и набрал запомнившийся ему с первого взгляда номер. Тот

самый, по звонку с которого группа спасателей отправилась в поиск с трагическими последствиями. И добавил громкость на телефоне, когда слышались гудки вызова. Сам мобильник даже на стол положил, чтобы разговор был всем слышен.

– А этот... Солтанмурад... Говорил, что трубка «вне зоны досягаемости связи или выключена». А связь есть. Только никто не отвечает.

И тут же ответили.

– Кто это? – спросил дрожащий женский голос.

– Старший лейтенант спецназа ГРУ Ослябя. Вы на Сарматском плато?

– Я рядом. На скале сижу. Под плато. Спасите меня... – женщина, кажется, плакала или замерзла до такой степени, что у нее стучали зубы. А может быть, из-за сдавшей нервной системы у нее так громко стучали зубы, что это было слышно даже через трубку.

– Что с вами произошло? С вашей группой что-то случилось? Вы вызывали спасателей!

– Я их не вызывала. Они сами пришли. И перестреляли всех. Спасите меня. Я упасть могу. Скала очень маленькая. Я еле держусь и уже устала. Я всю ночь здесь просидела. Спасите...

– Кто перестрелял? – не понял Ослябя.

– Те, кто пришли. Я только одного знаю. Это спасатель. Ногай. Я его в пропасть сбросила, а сама на скалу за краем упала. Успела зацепиться. Спасите, я не могу уже. Я еле держусь...

– Ждите нас... Держитесь. А что же вы никуда не позвонили? Сами...

– Пыталась. Связи не было. Только сейчас появилась...

Старший лейтенант отключился от разговора, который слышно было всем.

– Задержать всю банду. Сейчас же... – сказал капитан Тотуркулов, вставая.

– Успеем, – вдруг начал командовать старший лейтенант. – Гилястан Гирокаевич, позвоните в службу спасения МЧС. Пусть вышлют вертолет. Пешком идти долго. Боюсь, женщина не удержится. Пусть спасатели и нас с собой заберут. Нам есть что на Сарматском плато посмотреть. И в ущелье внизу. Если стреляли из автоматов, это может значить, что эмир Харунов опередил наши ожидания и уже здесь. Надеюсь, в МЧС нормальные спасатели, а не бандиты! А этих мы сейчас задержим. Шахмырза, вы за мониторами следите. Они разошлись по домам. Не заметили?

– Сидят у себя в служебном помещении. Брать будем?

– Будем. Минутку.

Старший лейтенант еще раз позвонил.

– Задонский, со своим отделением ко мне. Я в пункте полиции. Знаешь где? Хорошо. Я сейчас выйду, увидишь. Отделение с оружием. Бегом. Шахмырза. Наручники для троих захватите. Пойдемте, солдат встретим.

Старший прапорщик полез в ящик стола за наручниками. Достал и показал.

– Зачем солдаты? – проворчал капитан полиции. – Сами бы справились.

– А солдаты это сделают лучше. И охранять будут. А вы, Чамма Пашаевич, пока машину вызовите из райотдела. Не век же нам их здесь держать. И дознавателя профессионального. А то мы порой не знаем, что спросить нужно.

Пожав плечами, капитан полиции согласился и достал из кармана свой мобильник. А старший лейтенант со старшим прапорщиком вышли на улицу. Ночь была и вправду холодная даже внизу, в долине. И невольно подумалось, каково женщине, сидящей на скале высоко в горах, где согреться, видимо, невозможно. Хочешь не хочешь, а зубы застучат...

Из дверей одного из корпусов выскочили под фонарь солдаты. Женщина-дежурная вышла вместе с ними и показала пальцем. Но солдаты уже увидели своего командира и бегом устремились к нему. Семьдесят метров они преодолели за полтора десятка секунд.

– Товарищ старший лейтенант... – начал было докладывать младший сержант, но командир взвода остановил его жестом.

– Как устроились?

– Устраиваемся еще. Хорошо там, со всеми удобствами.

– Вот старший прапорщик полиции. Его зовут Шахмырза. Он вам покажет окна, которые нужно блокировать. Если кто-то выскочит, сразу вязать. В применении силы можете не ограничиваться. Шахмырза, веди. Покажи молча.

Помещение собственной службы спасения туристической базы, располагавшееся на первом этаже административного корпуса, было угловым и имело три окна. Все три были слабо освещены. Старший прапорщик молча показал на эти окна. Младший сержант так же молча отдавал солдатам команды. Его знаки солдаты понимали превосходно и под окна прошли со стороны так, чтобы не быть замеченными. Встали по два человека у каждого окна. Остальные солдаты зашли за кусты, чтобы блокировать тех, кто прорвется. Убедившись, что все посты расставлены, старший лейтенант знаком позвал за собой старшего прапорщика и толкнул входную дверь, за которой был темный коридор. Свет пробивался из-под двух дверей. Но за одной дверью было тихо, за другой шел разговор. Старший лейтенант и старший прапорщик пошли туда, откуда слышались голоса. Ослябя вежливо постучал.

– Войдите... – раздался голос Солтанмурада.

Они вошли. В кабинете было только два человека. Третий, которого называли Биймурзой, куда-то вышел. Должно быть, в соседний кабинет, где тоже горел свет. И такой же неяркий.

– Что-то неясно? – спросил Солтанмурад.

– Много неясностей, – с каким-то даже смущением сказал Ослябя, ничем не угрожая спасателям. – Покажите ваши руки. Вот так...

Старший лейтенант продемонстрировал, что именно нужно сделать. Солтанмурад протянул руки, и Чолахов тут же защелкнул на них наручники.

– Извините, вы задержаны по подозрению в бандитизме и в незаконном обороте оружия. Второй...

Растерянный Мараучу протянул руки без требования. Наручники защелкнулись.

– Вы что-то путаете. И хотите оставить туристическую базу без службы спасения. А если сейчас что-то случится? А здесь никого не останется...

– В горах была только одна группа. Та, которую вы расстреляли.

– До меня только сейчас дошло, – сказал старший прапорщик полиции. – За последние два года это четвертый случай убийства туристических групп. Мы все на какие-то мифические банды списывали. А тут, оказывается...

Не договорив, старший прапорщик неумело ударил сидящего на стуле Солтанмурада в скулу.

– Плохо бьете, Шахмырза, – покривился старший лейтенант Ослябя. – Плохо вас учили бить. Бить надо вот так...

Последовал короткий и резкий удар, после которого Мараучу просто свалился под стенку и остался лежать не шевелясь.

Тут же послышался звон разбитого стекла и шум за окном.

– Кто-то в соседнее окно выпрыгнул, – сказал старший лейтенант Ослябя. – Наверное, Биймурза нас услышал.

Старший прапорщик Чолахов открыл окно.

– Скрутили уже... Врежьте ему, парни, чтобы не ковырялся...

Подсказка запоздала. Биймурза сопротивлялся отчаянно, но, получив удар, сопротивляться перестал. А связать человека, находящегося без сознания, не сложно. Полицейский бросил в окно наручники.

– Нацепите ему еще и это...

Из второго административного корпуса, где находился местный пункт полиции, вышел капитан Тотуркулов. Старший прапорщик увидел его в окно и позвал:

– Чамма Пашаевич, всех повязали...

– Ответишь за это... – сказал Солтанмурад, скованными руками трогая свою скулу.

– Сначала отвечать придется тебе, – приветливо улыбнувшись, ударом во вторую скулу старший лейтенант сбил Солтанмурада со стула. – «Пожизненное» тебе гарантировано. Так что не суетись и постарайся остаток жизни прожить так, чтобы тебя поменьше били. С «пожизненным» больше трех лет никто не живет. Задонский, ко мне! Забери арестованных...

Старший лейтенант вместе со старшим прапорщиком, передав задержанных в руки солдат, которых командир взвода проинструктировал дополнительно насчет «воспитательной» работы с задержанными и необходимости беречь во время «воспитательной» работы свои руки, вернулись в полицейский пункт. Туда же за ними пошел и капитан полиции Тотуркулов.

– Вертолет МЧС уже, наверное, вылетел, – сообщил майор Хаджимырзаев, который так и не выходил из кабинета. – Спрашивали, где на базе можно совершить посадку. Я сказал, что на спортивном поле. Можно ли, Шахмырза, сесть на спортивном поле?

– Отчего же нельзя, можно...

– Одновременно я вызвал вертолетом следственную бригаду ФСБ из Нальчика. Если у нас есть убийство целой группы туристов, это уже, по тяжести содеянного, переходит в ведомство ФСБ. Они сразу и задержанных заберут. Поместится на спортивной площадке второй вертолет?

– Поместится, товарищ майор.

– А третий? – спросил старший лейтенант спецназа ГРУ, вытаскивая свой мобильник.

– Третий тоже, думаю, поместится без проблем. Вот для четвертого места может не хватить.

– А кто четвертый заказывает? – спросил Ослябя.

– Это я так, на случай, – отговорился старший прапорщик.

– Плохой случай, – признался старший лейтенант. – Четвертый вертолет тоже нужен, но, если третий доставит нас на Сарматское плато, четвертый вертолет полетит туда же. Товарищ майор, относительно «желтого дракона» сообщения еще не было?

– Пока никаких сообщений не было. Рано еще.

Ослябя вышел в коридор, чтобы позвонить без посторонних. Но в коридор уже ввели задержанных. И командиру взвода пришлось выйти на улицу, чтобы разговаривать оттуда.

* * *

Разговаривал старший лейтенант долго. Когда вернулся, посмотрел на слегка побитых и довольно жалко смотревшихся задержанных, при которых вести деловые разговоры, естественно, не следовало, и спросил:

– Шахмырза, у вас здесь «обезьянника» нет, чтобы этих... туда посадить?

Старший прапорщик еще не привык к тому, что старший лейтенант распоряжается в присутствии его непосредственного начальника капитана Тотуркулова и авторитетного представителя другого местного силового ведомства майора ФСБ Хаджимырзаева, и потому посмотрел сначала на них, понял по их знакам, что они не против действий старлея, и только после этого сказал:

– Есть в подвале административного корпуса комнатка без окон. Дверь металлическая. Можно там закрыть. Никуда не денутся. Там со всех сторон один железобетон. Даже крысы не прогрызают. А эти побитые крысы тем более не смогут выбраться.

– Если не трудно... Солдаты помогут. Кстати, сообщение для крыс, они у меня ребята жесткие. В случае чего среагируют сразу. Не пристрелят, конечно, но изуродовать могут. На многие годы вперед. Ты тоже, Шахмырза, посоветуй своим клиентам вести себя прилично.

– Слышали? Если вы не совсем еще уроды, солдаты вас полными уродами сделают. Каждое слово без моего вопроса наказуемо. – Долговязый старший прапорщик просто упивался своей властью.

Как только вывели задержанных, майор Хаджимырзаев сообщил:

– На факс администрации прислали распечатку телефонных звонков с мобильного. Никакого сообщения Ногай, конечно, не получал. Не звонила женщина ему. Бандиты-спасатели пошли на плато по собственному желанию. Вообще с того мобильного минувшим вечером был только один звонок, и тот в Московскую область. По биллингу в районе плато вообще никаких звонков не зарегистрировано. С этим вопросом, значит, все ясно. Я даже не пошел на факс администрации, чтобы взять распечатку. Утром сами принесут, – майор посмотрел на часы. – Ждать осталось недолго. Уже почти утро. Теперь второе сообщение. По пресловутому «желтому дракону». Татуировка с изображением желтого дракона украшает торс эмира Харунова. Занимает половину спины, весь бок и заканчивается на животе. Сам Харунов очень этой татуировкой гордится. Он делал ее в Норвегии, когда ездил туда к родственникам-эмигрантам. Есть данные, что иногда его бандиты выкрикивают эту фразу, когда идут в атаку. Это своеобразный опознавательный знак банды, может быть, боевой клич. Если Харунов действительно подошел уже так близко, в чем наши эксперты сомневаются, он вполне мог атаковать спасателей, просто увидев свет их фонариков. И его бойцы вполне могли выкрикивать фразу: «Желтый дракон». Если Харунова поблизости нет, мы имеем полное право предположить, что банда Солтанмурада как-то связана с ним и знает о боевом кличе «харуновцев». Трудно поверить, что эту фразу Солтанмурад с подельниками выдумали на ходу как раз в тот момент, когда Харунов должен идти в эту сторону. Есть только два варианта. Первый. Спасателей действительно атаковали внизу с криками: «Желтый дракон», и они позже вплели это выражение для устрашения и путаницы во все свои показания. Пытались снять с себя подозрения и переложить их на Харунова. Второй вариант. Они все связаны с Харуновым и выходили туда для встречи с бандой. И никто их внизу не обстреливал. А туристы были уничтожены потому, что они могли стать свидетелями встречи. А боевой клич людей Харунова опять же использовался для снятия с себя подозрений.

– Не помогло! – с непонятной радостью воскликнул капитан полиции Тотуркулов. – Но, не останься эта женщина в живых, мы так ничего бы, возможно, не узнали и не заимели бы важного свидетеля преступлений. Я позвонил и попросил прислать мне сюда материалы по всем нераскрытым делам, связанным с убийством туристов на маршрутах базы. Три дела было. Это четвертое. Банда, скорее всего, одна действовала. Я что-то смутно помню. Какая-то там визитная карточка прикалывалась у груди убитых. Якобы банда называла себя «Бешеными Псами». Но подробности я не помню, поскольку вплотную этими делами не занимался.

Капитан поворочил указательным пальцем вещи, что вытащили из карманов задержанных и сложили на столе. Но визитных карточек там не было.

– А с чем они в горы ходили? – спросил, вставая, старший лейтенант Ослябя. – Должны же быть рюкзаки. Люди, даже если только на пару часов уходят, обязательно берут рюкзаки.

– Были у них рюкзаки. У каждого спасателя в шкафчике свой рюкзак всегда готов к выходу. Пойдемте, посмотрим в их помещении. И вообще там осмотр не мешало бы провести. Я, кстати, дал отбой машине с дознавателем. Товарищ майор решил забрать дело в ведение ФСБ. Это лучше, чем нам потом в следственное управление передавать. Но пока следственная бригада соберется, пока полетит, время пройдет. Можем и мы пока что-то сделать.

– Надеюсь, что МЧС прилетит все же раньше, – сказал старший лейтенант Ослябя. – Людмила Николаевна не может еще сутки сидеть на скале.

– Так ее зовут Людмила Николаевна? – спросил Тотуркулов. – Вы знакомы?

– Нет.

– Она вроде бы не представлялась, насколько я помню телефонный разговор.

– Этот вопрос вне компетенции органов МВД, – сухо сказал майор Хаджимырзаев. – Если нам с товарищем старшим лейтенантом что-то известно, это вовсе не говорит о том, что это должно быть известно полиции, которая в данном случае выполняет только вспомогательные функции.

Чамма Пашаевич быстро понял, что лезет не в свое дело, и молча сел на стул.

– Так нельзя ли МЧС поторопить? – спросил старший лейтенант в продолжение разговора. – Иначе мы рискуем лишиться единственного свидетеля. Спасатели говорили, что они проходят до места за пять с лишним часов. Не зная их пути, я смог бы пройти со взводом за пять часов. Но сможет ли она еще столько вытерпеть?

– Я позвоню...

Майор вытащил мобильник, начал было набирать один номер, потом остановился, набрал другой и дождался ответа. Потом в резком тоне с кем-то поговорил на родном языке. Причем старший лейтенант из разговора, естественно, ничего не понял. После этого, видимо получив еще один номер, майор набрал его и уже говорил вежливо и корректно, хотя тоже на родном языке, что сразу вызвало у Осляби множество вопросов. Положив на стол трубку, майор Хаджимырзаев несколько секунд молчал, глядя в столешницу, потом поднял глаза на старшего лейтенанта, дождался, когда закроется дверь за вошедшим старшим прапорщиком, и сообщил:

– Ни один вертолет в нашу сторону вылететь не может. У них там густой туман. И когда вылетят, не знают. Ветра вообще, говорят, нет. Так что когда туман рассеется, неизвестно. Что будем делать?

– Придется идти по маршруту, – сказал Ослябя.

– Подождите. Я позвоню пограничникам. Может, они вертолет дадут. Если уж не получится, тогда только...

Майор набрал номер, опять разговаривал на родном языке, потом еще дважды набирал разные номера, кого-то явно уговаривал и упрасивал, и даже требовал. Потом еще раз позвонил и разговаривал уже на русском языке. Разговор еще не закончился, но старший лейтенант уже понял, что вертолета пока нет на месте и прилетит из Нальчика только к обеду. Так запланировано.

– Где мой младший сержант? – спросил Ослябя старшего прапорщика.

– На улице, за дверью. С солдатами остался.

– Исключая Солтанмурада, с кем из задержанных спасателей можно иметь дело? Мне показалось, что с молодым можно договориться. У него взгляд относительно мягкий. Он не отпетый еще... Как думаешь, Шахмырза?

– Мараучу? – назвал Чолахов имя. – Может быть. Но это тоже зависит от того, какое дело.

– Может он показать на карте маршрут, по которому сами спасатели ходят?

– Они ходят по сложному короткому маршруту, – предостерег старший прапорщик. – Это опасно. Этим маршрутам даже туристы-разрядники не ходят.

– Мой взвод прошел горную подготовку. Мы пройдем, если надо идти. Выхода у нас нет. Товарищ майор, позвоните Людмиле Николаевне. Сообщите новость и поддержите ее морально. Я пока взвод подниму и приготовлю к выходу. Шахмырза, будь другом, приведи Мараучу, и пусть он хотя бы карту найдет, где их маршрут отмечен.

– Сейчас сделаю, – пообещал старший прапорщик...

Глава третья

Поднять взвод было делом недолгим и несложным. Когда солдаты выстроились перед корпусом, на них уже смотрели из всех окон. Везде горел свет. Хотя рассвет еще не наступил, было уже утро, и туристы, отдыхающие на базе, собирались идти в столовую на завтрак. Взвод спецназа путевками никто не обеспечивал, и в столовой их кормить не собирались. Хорошо еще, что предоставили пять свободных комнат, в которых вместо четверых разместили по шесть человек. Но спецназовцы – народ непривередливый. Они вполне могли бы и все поместиться в одной комнате. Однако выспаться им командир не дал. Не выделил даже обычные в спецназе ГРУ четыре ночных часа. Обстоятельства не позволили.

Старший лейтенант Ослябя был краток:

– Отправляемся на спасательную операцию. Маршрут высшей категории сложности. Но зря вы, что ли, горную подготовку проходили. Пройдем. Идти будем на пределе. С максимальной быстротой. Мы сюда приехали, чтобы защитить конкретного человека, которого кое-кто намеревался выкрасть и продать за границу как специалиста по новым видам оружия. Сейчас этот человек, женщина, уже несколько часов сидит на скале. Она сбросила с обрыва бандита и сама упала. Но сумела ухватиться за крохотный выступ на склоне скалы. И сидит там уже всю ночь. От вашей скорости зависит, успеем ли мы, или женщина сорвется. Все! Выходим к воротам. Я вас догоню...

Взвод выполнил команду замкомвзвода, повернулся налево и быстро двинулся в сторону выхода с территории туристической базы. А сам Ослябя снова заспешил в пункт полиции. Старший прапорщик Чолахов привел Мараучу, с которым сходил за картой специальных маршрутов, разработанных для команды спасателей. Мараучу был прикован наручником к руке старшего прапорщика, но вел себя задержанный спокойно и откровенного желания освободиться не проявлял.

Ослябя просмотрел карту. Движением пальца пригласил ближе к свету настольной лампы Мараучу со старшим прапорщиком.

– Смотри. Этот маршрут?

– Официально – этот, – сказал спасатель.

– Официально... Что сие значит? Есть еще неофициальный вариант?

– Именно как вариант. В целом маршрут тот самый. Но в трех местах мы можем срезать путь. Экономия времени получается почти в час. Официально по тому пути никто ходить не разрешит. Там весь склон из ползучих камней. Но мы там всегда ходили, и ни разу никто не сорвался. Шли, конечно, в связке. Если кто «поедет», все вместе его вытягивали, и дальше.

– Где эти участки? Покажи. Твои показания зачтутся следствием, учти, как помощь. Это существенно. Подумай о своем будущем. Ты еще молод, и будущее у тебя есть.

Мараучу вздохнул.

– Надо у Солтанмурада спрашивать. Я в картах мало понимаю. Я только так хожу, по памяти. Спросите Солтанмурада...

Ослябя посмотрел на Чолахова, словно того спрашивая. Старший прапорщик отрицательно головой покачал.

– Я, перед тем как забрать Мараучу, Солтанмурада уже спрашивал, покажет ли маршрут. Солтанмурад только рассмеялся. Пусть, говорит, спецназ идет и никогда уже не вернется. Там только спасатели проходят. А показывать он никому ничего не будет.

– Сколько всего на базе спасательных бригад? – спросил майор Хаджимырзаев.

– Четыре. Через час заступит следующая бригада. Но у них маршруты между собой разделены, чтобы каждая бригада по своему направлению работала и свое направление знала до тонкостей. Другая бригада там тоже не пройдет. И даже не пойдет.

– Гилястан Гирокаевич, вы до Людмилы Николаевны дозвонились? – спросил старший лейтенант. – Как она там?

– Плачет. Говорит, пошевелиться боится. Сидит на узком карнизе, руками придерживается за стену. Карниз под ней пошатывается. Просит спасти. Я объяснил ситуацию с вертолетами. Сказал, что вы со взводом выходите к ней. Но это пять часов пути.

– Понятно, – Ослябя двумя руками поправил на голове бандану из плотной ткани. – Выход у нас только один. Я беру Мараучу с собой. Он на месте покажет.

– Не упустите? – спросил капитан Тотуркулов.

Старший лейтенант в ответ только засмеялся...

* * *

Наручник переключал с руки старшего прапорщика полиции на руку Мараучу, поскольку старший лейтенант не пожелал вести его прикованным к себе. Он вытащил у молодого спасателя поясной ремень и пропустил вместо него под лямки веревку, тонкую, с палец толщиной, но прочную, мягкую и гибкую, а второй конец веревки, снабженный карабином, зацепил за специальный страховочный пояс замком взвода старшего сержанта Матюшина.

– Присматривай за ним. Он человек горный, места знает и готов шмыгнуть, как мышь, в любую щель. В случае чего стреляй на поражение. Мараучу, слышал, что я сказал?

– Слышал. Я убежать не хочу.

– Я отдал приказ стрелять на поражение. А знаешь, почему я тебя не к своему поясу привязал, а к поясу старшего сержанта?

– Почему?

– Потому что он из автомата в летящую ласточку попадает. Так у него глаз устроен, и реакцией бог не обделил. Так никто больше не умеет. И на звук в сумерках майских жуков расстреливает. И тебя на звук застрелит. Коля, если попробует убежать, куда ты ему попадешь?

– Я аккуратно стрелять буду. Оторву пулей то, что между ног болтается. Этого с него, думаю, хватит. Без своих причиндалов он никуда не убежит.

Старший сержант одной рукой приподнял автомат, словно показывая, что стрелять умеет и с одной руки, как из пистолета, или же просто пригрозил оружием.

– Не надо, пожалуйста, в причиндалы... – плохо выражаясь по-русски, но все-таки сообразив, о чем разговор, попросил Мараучу.

– Не надо, пожалуйста, убежать, – настойчиво попросил в ответ старший сержант.

Взвод стоял у ворот базы. Старший лейтенант вытащил из офицерского планшета карту спасателей, потом из того же планшета вытащил планшетный компьютер, загрузил его, приложил карту к монитору и нажал на какую-то кнопку. После этого карта уже была ему не нужна. Компьютер отсканировал ее и занес в память. Последовало несколько манипуляций в программе «Оператор»⁷, и карта спасателей с нанесенным на нее маршрутом оказалась наложенной на уже существующую в компьютере карту, которую Ослябя тут же и открыл. Нажатие на иконку с изображением микрофона вывело окошко с требованием: «Говорите». Старший лейтенант негромко произнес:

– Сарматское плато.

⁷ Географическая информационная система военного назначения «Оператор» начала внедряться в Российской армии летом 2013 года. Система предназначена для решения задач изучения и оценки свойств местности, ведения оперативных карт и схем, автоматизации процессов управления войсками, создания виртуальных 3D-макетов местности по данным, полученным одновременно минимум с трех спутников ГЛОНАСС, информационного обеспечения боевого применения высокоточного оружия, навигационного обеспечения транспортных средств и решения других спецзадач армии.

Компьютер потребовал:

– Говорите громче.

Старший лейтенант повторил громче. На экране закрутилась на полупрозрачном циферблате секундная стрелка, и показалась надпись: «Идет подготовка маршрута». Через пятнадцать секунд циферблат исчез, и появилась другая надпись: «Маршрут проложен. Рассчитать другой вариант?» И загорелись две кнопки: «ОК» и «Отмена». Ослябя прикинул – проложенный маршрут почти полностью совпадал с маршрутом карты спасателей. И только в трех местах срезались углы. Возможно, это и были как раз те самые три места, про которые говорил Мараучу, но сам Мараучу утверждал, что плохо ориентируется по карте, и спрашивать его смысла не было.

Пристроив на груди специальную подставку на брезентовом ремне, перекинутом через шею, старший лейтенант Ослябя уложил на подставку планшетник, и занял место ведущего.

– Взвод! За мной в колонну по два.

Темп, который сразу задал старший лейтенант, был для взвода привычным способом передвижения, и только Мараучу отстал бы, если бы его не подтаскивали за веревку. Но дышал спасатель уже через тридцать минут так тяжело, словно преодолел марафонскую дистанцию. Роль ведущего в таком ответственном марше командир взвода никому уступать не желал, опасаясь снижения темпа, но задержался, чтобы подбодрить идущих в задних рядах. Естественно, все люди имеют разную степень выносливости. И даже при общей отличной физической подготовке взвода внутри самого взвода обязательно будут те, кто тянется вперед, и те, кто может отставать. В принципе, хорошо зная способности своих солдат, старший лейтенант Ослябя знал уже, кого он увидит в задних рядах. Так и оказалось. Только среди других странно было видеть старшего сержанта Матюшина. Но в данной ситуации роль замкомвзвода была вынужденной. Он тащил за собой на веревке Мараучу, раскрывшего рот, как рыба, выброшенная на берег. Правда, старший сержант, видимо, решил, что такая нагрузка для него одного тяжела, и потому приказал одному из солдат привязать спасателя точно так же второй веревкой. И тащили Мараучу в итоге вдвоем. Это позволяло не отстать.

Старший лейтенант Ослябя дождался, когда Мараучу доведут до него, и двинулся рядом.

– Ну что, задыхаешься?

Мараучу не сумел сказать ни слова, и только тяжело дважды кивнул.

– Учись ходить. Быстро ходить полезно. Ты со своими парнями за сколько сюда добирался?

– Час... – сумел вымолвить Мараучу.

– Значит, мы идем в два раза быстрее. Пока возможность есть, надо бы еще скорости добавить. Потом тяжелее попадутся участки?

– Да.

– Там можно только медленно идти?

– Да.

– А сейчас ты бегать можешь?

– Нет.

– Матюшин, научи Мараучу бегать. Надо создать запас времени...

Две веревки резко потащили бедного спасателя вперед. Прозвучала команда старшего сержанта, и весь взвод перешел на бег. Для спецназовцев было привычным чередование быстрого шага и бега. Обыкновенный марш-бросок совершается именно так, хотя чаще всего большая часть дистанции преодолевается бегом, а на шаг переходят только тогда, когда большинству уже требуется специальными упражнениями привести в порядок дыхательную систему. Сейчас же больше шли быстрым шагом, поскольку путь постоянно вел вверх.

На одной из горок взвод встретил рассвет и спускался с горки уже в светлое время, потому что солнце вышло резко и резво устремилось вверх по небосклону. И долины тоже стали быстро освещаться его лучами.

Старший лейтенант Ослябя уже обогнал свою колонну и снова занял место ведущего. Сам он хорошо знал, что во взводе есть солдаты более выносливые, чем он. Но командиру взвода положено показывать пример солдатам, и старший лейтенант старался не подавать вида, что и он тоже вовсе не из железа выкован, хотя заставлял себя улыбаться, поддерживая солдат, ему приходилось иногда с трудом.

Спуск с горки в светлое время был уже более простым делом, чем в темноте. И если в темноте Ослябя не решался начинать спуск по прямой линии, то на свету уже мог позволить такой спуск даже на крутом склоне. Время в любом случае, даже при соблюдении мер осторожности, сокращалось почти на треть. Ослябя показал пример, и взвод последовал за ним. Дважды за спиной слышался смех. Старший лейтенант догадывался, что там кто-то падал. Но поскольку никакого сигнала не поступало, это значило, что упавший, ничего себе не повредив, встал и продолжает бег. Умение падать тоже отрабатывается в спецназе тщательно на многочасовых занятиях. Даже если падение произвольное и неожиданное, солдат должен уметь сгруппироваться, перевернуться, гася кинетическую энергию падения, и подняться сразу в боевое положение.

При подъеме на следующий большой перевал командир взвода не стал передвигаться поперек тропы, срезая углы. Лучше было сохранить у солдат нормальное дыхание, чем загнать их сейчас, с тем, чтобы потом они уже не могли поддерживать скорость. И на подъем Ослябя повел взвод по тропе. Но следующий спуск снова был поперек тропы. И телефонный звонок застал старшего лейтенанта на середине склона. Он вытащил трубку, посмотрел на определитель номера и ответил:

– Старший лейтенант Ослябя. Слушаю вас, товарищ подполковник.

– Как дела, Виктор Юрьевич?

– Из-за невозможности использовать вертолеты МЧС я со своим взводом отправился на спасательную операцию.

– Я в курсе. Я только что с майором Хаджимырзаевым разговаривал. И спрашиваю, как продвигаешься? Успеешь?

– Разве я могу отвечать за чужие жизненные силы? Я не знаю степень спортивной подготовки Людмилы Николаевны, не знаю, насколько она вынослива, не знаю, насколько она устойчива психически. Женская истерика – вещь, товарищ подполковник, непредсказуемая. Мне рассказывали, как одна женщина-водитель в истерике убрала руки с руля автомобиля, когда машина ехала по мосту. В итоге спасли только пассажира. Мы торопимся. Желательно было бы успеть. Пока идем по укороченной тропе спасателей, и даже с двойным опережением их графика. Хотя впереди трудные участки, где скорость придется сбросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.